

Четвергъ, 2 Юля 1909 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 777.

У могилы Чехова.

...Ползли года чредою черной,
Надъ безутѣшною страной...
Безправный, все еще покорный,
Стоналъ подъ игомъ
Но въ этомъ сонмищѣ страданій,
Безумныхъ воплей и рыданій,
Была одна слеза: она
Изъ тихой грусти соткана,
Но обладаетъ вѣчной силой,—
Слеза надъ чеховской могилой...
Я помню ясно три строки
Короткой первой телеграммы,

Пролившей въ душу адъ тоски,
Открывшей правду страшной драмы..
Изъ нихъ узналъ я съ первый разъ,
О томъ, что онъ ушелъ отъ насъ,
Ушелъ прекрасный, скорбный, чистый..
Что этотъ милый взглядъ лучистый
Навѣкъ померкнулъ и погасъ..
Угасъ талантъ большой, могучій,
Закрылось солнце грозной тучей,
Осиротѣло все вокругъ, —
Ушелъ родной, любимый другъ..
И думалъ я съ печалью жгучей,
Что на земномъ его пути,
Едва лишь начала цвѣсти
Улыбка счастья... что съ тревогой,
Съ тоской непонятой души,
Онъ шелъ тернистою дорогой
И слышалъ шопотъ смерти строгой:
„Я жду тебя! Сиди! Сиди!“

* * *

Прошло три мѣсяца... „Ивановъ“
Шелъ въ первый разъ у „москвичей“..
Толпа зоиловъ и профановъ,
Безпечный шумъ пустыхъ рѣчей..
Съ тревожной поступью несмѣлой,
Съ печальной думой о тебѣ,
Шепча проклятія судьбѣ,
Входилъ я въ храмъ осиротѣлый,
Гдѣ мы тебя въ послѣдній разъ
Цвѣтами, лаврами вѣнчали,
Ловили взглядъ чудесныхъ глазъ,
Улыбку, полную печали,
Святую крѣпость мудреца,
Который видѣлъ зоркимъ окомъ
За этимъ праздничнымъ потокомъ
Мракъ недалекаго конца..
„Вишневый садъ“ поблекъ... Сѣдая,
Глухая осень!.. Гдѣ цвѣты?
Гдѣ эта зелень молодая,
Гдѣ эти вешнія мечты?
Какой онъ разбитъ силой?
Гдѣ ты, гдѣ ты, нашъ Чеховъ милый?
„Нашъ Чеховъ милый“... Этотъ звукъ
Теперь обвѣяетъ скорбною тѣнью,
Ручьями слезъ, могильной сѣнью,
Волной тоски и тяжкихъ мукъ!..

* * *

Его любили мы, какъ друга,
Съ которымъ насъ связала нить
И грезъ, и вѣчнаго недуга,
Съ которымъ можно говорить
Полу-намекомъ, полу-словомъ,
Съ которымъ, въ сумракѣ суровомъ,
Тоскливыхъ будней, такъ легко
Мечтать о чемъ-то свѣтломъ, новомъ,
Что скрыто гдѣ-то далеко,
Куда нашъ путь тернистъ и длиненъ—
Но „черезъ двѣсти—триста лѣтъ“, —
Какъ увѣряетъ насъ Вершининъ,

Исчезнетъ тьма, и будетъ свѣтъ!
Студентъ Трофимовъ вѣрить свято,
Въ работу будущихъ годинъ:
Былое сгинетъ безъ возврата,—
Разумный трудъ, лишь онъ одинъ
Дастъ людямъ счастье... Новъ обѣята
Надеждой, вѣрой... Старина
Кончается дни, озарена
Лучемъ печальнаго заката..
Но въ этой „доброй старинѣ“
Среди оставшихся развалинъ
Былыхъ вѣковъ, какъ въ старомъ снѣ,
Есть что-то жалкое... Печаленъ
И неразуменъ прежній бытъ,
Который брошенъ и забытъ..

* * *

Но вотъ, въ гнѣздѣ завѣтномъ, старомъ
Раздался первый грозный стукъ,
Стукъ топора... И этотъ звукъ
Смертельнымъ кажется ударомъ
Для разореннаго гнѣзда,
Гдѣ жизнь всегда была чужда
Животворящаго труда..
Слѣдовъ былого нѣтъ ужъ болѣ:
Слуга, послѣдній могиканъ,
Изъ тѣхъ фанатиковъ-крестьянъ,
Что испугались свѣтлой воли,
Забытъ въ усадьбѣ.. старый кротъ
Въ пыли минувшаго умереть.
О, намъ жалѣть не надо,
Какъ и помѣщикаго сада.
Какъ старины... Но, ахъ—мораль
Слабѣ чувства — и печаль
Вливаетъ въ душу каплю яда..
И почему-то всѣхъ намъ жалъ.
Таковъ ужъ Чеховъ... Нѣжно, кротко
Похоронилъ онъ старину,—
И ворвалась въ его „весну“
Меланхолическая нотка..

* * *

Ты навсегда ушелъ отъ насъ
Съ улыбкой кроткой и печальной,
И свѣтъ души многострадальной.
Какъ тихій вздохъ любви, погасъ..
И плакалъ мѣсяцъ серебристый,
И потемнѣла даль рѣки..
И садъ вишневый, садъ душистый
Заглохъ подъ гнетомъ злой тоски..
Ушелъ... Изъ міра лжи и прозы
Твоя душа умчалась вдалѣ..
Что ей земныя наши слезы
И наша позняя печаль!..

Lolo. („Рампа и Жизнь“).